

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Анархизм и марксизм

Герен Даниэль

Герен Даниэль
Анархизм и марксизм
1973

Скопировано 27.06.2024 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=3157>
Перевод с английского. Также доступен на
<https://piter.anarhist.org/guerin02.htm>

ru.anarchistlibraries.net

1973

Оглавление

1.....	5
2.....	7
3.....	9
4.....	10
5.....	11
6.....	12
7.....	18
8.....	21

выражает глубочайшие пожелания, даже если они сами это не всегда полностью осознают, прогрессивных рабочих, которых сегодня называют «рабочими левыми», лучше, чем дегенерировавший авторитарный марксизм и окаменевший анархизм.

1.

Если мы хотим заниматься этой темой, то мы сталкиваемся с многими трудностями. Начнём с первой: что мы подразумеваем под понятием «марксизм»? О каком «марксизме» идёт речь?

Я считаю необходимым сразу ответить на это. В последующем мы называем «марксизмом» все труды самих Маркса и Энгельса, но не труды их более или менее верных последователей, претендовавших на этикетку «марксистов». С уверенностью мы исключаем искажённый марксизм, можно даже сказать: преданный марксизм немецкой социал-демократии. Некоторые примеры: в первые годы социал-демократической партии в Германии, при жизни Маркса, социал-демократы сформировали требование «народного государства». Вероятно, Маркс и Энгельс были весьма счастливы и горды тем, что наконец-то в Германии появилась массовая партия, которая действовала от их имени, так что они относились к ней с неподобающей готовностью к компромиссам. Сначала Бакунин должен был горячо и неоднократно нападать на «народное государство» в полемике, сначала, в то же время, должно было состояться тайное соглашение социал-демократов с радикально-буржуазными партиями, прежде чем Маркс и Энгельс были вынуждены отказаться от понятия и практики «народного государства».

Позднее, стареющий Энгельс, когда писал в 1895 г. своё знаменитое предисловие к «Классовой борьбе во Франции» Маркса, выработал полноценную ревизию марксизма к реформизму, тем что ставил акцент в первую очередь на использование избирательного листа, казавшегося ему подходящим, если не единственным средством для достижения власти. В конце концов Карл Каутский стал сомнительным наследником Маркса и Энгельса. Теоретически

он претендовал всё ещё на то, что стоит на основе борьбы революционных классов, на практике, однако, он соответствовал методу действия своей партии, которая вела себя всё более по-оппортунистски и реформистски.

В то же время Эдуард Бернштейн, так же выдававший себя за «марксиста», требовал от Каутского быть последовательным и оказаться от классовой борьбы, которую он считал устаревшей. В противовес он высказывался за выборы, парламентаризм и социальные реформы.

Сам Каутский утверждал, что совершенно неверно утверждать, что социалистическое сознание являлось бы необходимым и неизбежным последствием пролетарской классовой борьбы. Если верить ему, то социализм и классовая борьба не были зависимы друг от друга. Они, якобы, происходят из различных условий. Социалистическое сознание происходит, например, из науки. Носителем науки является, однако, не пролетариат, а интеллектуальная буржуазия. Только через неё социализм был «передан» пролетариям. Следовательно: «Социалистическое сознание – это элемент, вводимый извне в классовую борьбу пролетариата, а не такой, который спонтанно выходит из классовой борьбы».

Единственным теоретиком немецкой социал-демократии, оставшимся верным изначальному марксизму, была Роза Люксембург. Но она должна была сделать много тактических уступок лидерам своей партии. Она не отваживалась открыто критиковать Бебеля и Каутского. До 1910 г. она не вступала в открытый конфликт с Каутским, пока собственно её бывший учитель не отверг идею массовой забастовки. Но прежде всего она была занята тем, что оспаривала тесное сходство между анархизмом и её концепцией революционной спонтанности масс, пороча анархистов искажёнными представлениями. И она делала это, чтобы не испугать партию, с которой

общее то, что они решительно выступают за классовую борьбу пролетариата и за борьбу с целью сломить буржуазную, капиталистическую власть. С одной стороны либертарные коммунисты пытаются оживить все конструктивные пункты из наследия анархистов прошлого, заметим к слову, то же было целью книг «Анархизм» и «Ni Dieu, ni Maître», с другой стороны либертарные коммунисты ссылаются как наследники Маркса и Энгельса на части, кажущиеся им всё ещё верными и плодородными, чтобы прежде всего ответить на потребности нашего времени. Так, к примеру, понятие отчуждения, встречающийся в манускриптах молодого Маркса от 1844 г. и хорошо совместимый с подчёркиванием индивидуальной свободы анархистами. Или основная мысль, что освобождение пролетариата может быть только делом самих рабочих, противоречащая всем убеждениям желающих привнести снаружи революционное сознание в рабочий класс. Наконец известная методика диалектического и исторического материализма, остающаяся одной из основных нитей для понимания событий прошлого и настоящего, только при условии, что эта методика не применяется упрямо и догматично, механично или как извинение за отступление от борьбы под предлогом, что материальные условия для революции ещё не созданы, как это делали сталинисты во Франции три раза, в 1936, 1945 и в 1968 гг. Следующее условие – это доверие двум элементарным силам, с одной стороны – индивидуальной воле, с другой – спонтанности масс.

Как выразился либертарный историк Камински в своей замечательной книге о Бакунине, синтез марксизма и анархизма не только необходим, но и неизбежен. «История», добавляет он, «сама устраивает свои компромиссы». Мне хотелось бы заметить, и это моё мнение, что либертарный коммунист, продукт такого синтеза, несомненно

Я, пожалуй, не должен Вам рассказывать, как этот ренессанс образовался во Франции в мае 1968 г. это было самым спонтанным, неожиданным, менее всего спланированным из всех восстаний. Могучая воля к свободе пронеслась по стране, настолько разрушительно и настолько созидательно, что ничто не останется таким как было раньше. Жизнь изменилась, или, если Вам угодно, мы изменили жизнь. Но это перерождение произошло в рамках всеобщего ренессанса всего революционного движения, прежде всего у студенческой молодёжи. Поэтому больше не существует крепких стен между либертарным движением и теми, кто принадлежит к так называемому «марксизму-ленинизму». Даже существует несектантское взаимопроникновение этих движений. Молодые товарищи во Франции переходят из авторитарных марксистских групп в анархо-группы, случается что и наоборот. Целые группы маоистов раскалываются под либертарным влиянием, чувствуют притягательность анархистских идей. Даже троцкистские организации отчасти изменяют свои взгляды и выбрасывают за борт некоторые из своих бывших убеждений благодаря анархистским теориям и трудам. Такие люди как Жан-Поль Сартр и его друзья выражают сегодня в их ежемесячном издании анархистские идеи, а одна из их недавних статей называлась «Lenin Ade».

Разумеется, существует всё ещё не мало авторитарных марксистских групп, настроенных особенно антилибертарно, точно так же как всё ещё встречаются анархистские группы, выступающие весьма антимарксистски.

Те две либертарно-коммунистические организации, существующие во Франции и намеревающиеся вскоре объединиться, находятся на границе между марксизмом и анархизмом. С классическими анархистами у них общая принадлежность к антиавторитарному течению, восходящему к первому Интернационалу. А с марксистами у них

она чувствовала себя связанной своими убеждениями, но и, это должно быть ясно сказано, материальными интересами.

Но не смотря на различные способы представления, не было серьёзных различий между анархо-синдикалистской всеобщей стачкой и массовой забастовкой Розы Люксембург. Точно так же её противоречия с Лениным (1904 г.) и с пришедшим к власти большевизмом (1918 г.) не особенно далеки от анархизма. То же касается и её конечных представлений в конце 1918 г. в «спартакистском» движении о социализме, претворяемом снизу вверх посредством рабочих советов. Роза Люксембург является одной из точек соприкосновения анархизма с незамутнённым марксизмом. Но первоначальный марксизм был искажён не только немецкой социал-демократией. Он был значительно изменён Лениным, явно усилившим некоторые якобинские и авторитарные черты, иногда, но не всегда, проскальзывавшие в трудах Маркса и Энгельса. Он расширил их до ультрацентрализма, узкой и сектантской концепции партии и прежде всего практики профессиональных революционеров как лидеров масс. Касательно этих пунктов у Маркса мы многого не найдём, где они, в лучшем случае, содержатся в зачатке и неосознанно. В то же время Ленин яростно осуждал немецкую социал-демократию за клевету на анархистов и в своей книге «Государство и революция» он посвятил особую часть похвале их верности революции.

2.

Перед нашей задачей встаёт вторая проблема. Мысль Маркса и Энгельса так же и сама по себе тяжела для понимания, т.к. в течение работы длинной в половину сто-

летия она значительно развилась, и т.к. Маркс и Энгельс постоянно пытались отражать действительные события своего времени. Не смотря на все попытки их некоторых сегодняшних комментаторов, в их числе один священник, марксистской догмы не существует.

Назовём несколько примеров: молодой Маркс, гуманист и ученик философа Фейербаха, в последствии развивается в закостенелого научного детерминиста.

Маркс «Новой Рейнской газеты», который хотел, чтобы его называли только демократом, и искавший связей с прогрессивной германской буржуазией, ничем не похож на Маркса в 1850 г., коммуниста и даже бланкиста, приверженца перманентной революции, независимого, политического коммунистического действия и диктатуры пролетариата.

Огромно и различие между частями Коммунистического Манифеста от 1848 г., требующими, чтобы государство обрело власть над всей экономикой и более поздними объяснениями, в которых государство замещается «ассоциацией производителей». Маркс последующих лет, отодвинувший международную революцию на более поздние сроки и запершийся в библиотеке Британского Музея, чтобы посвятить себя обширным научным исследованиям, отличается в свою очередь от бунтарского Маркса 1850-ого года, верившего во всеобщее, непосредственно предстоящее восстание.

Маркс 1864-1869 гг., сначала игравший за кулисами роль тайного и не заинтересованного во власти советника первого Интернационала, внезапно становится в 1870 г. весьма авторитарным Марксом, дирижирующим из Лондона главным советом Интернационала. Тот Маркс, который в начале 1871 г. настойчиво предостерегает от восстания в Париже, – не тот же самый, что тот, который в последствии в своём знаменитом обращении под названием «Граждан-

ли анархизм: даже Каутский подозревался профсоюзными бюрократами тот времени, когда он высказался за массовую стачку, как анархист. Во Франции происходило как раз обратное развитие. Парламентский, озабоченный выборами реформизм Жореса оттолкнул рабочих, бывших настолько прогрессивными, что они предприняли попытку основать революционную, синдикалистскую и крайне воинственную организацию, знаменитую CGT, чьи первоходцы Фернанд Пеллутье, Эмиль Пуже и Пьер Монатт вышли из анархистского движения.

Русская революция, а затем испанская революция углубили пропасть между анархизмом и марксизмом, пропасть, обоснованную теперь не только идеологически, но и кровавой практикой. Чтобы закончить эти размышления о прошлом марксизма и анархизма, я должен ещё указать на следующее:

1. Некоторые исследователи Маркса, как например во Франции Максимилиан Рубель, определённым образом, хотя и не совсем, ошибаются, когда видят в Марксе «либертария»;
2. Некоторые сектантствующие и упрямые анархисты, как Гастон Лаваль во Франции, определённым образом ошибаются, когда ненавидят Маркса, как будто он Дьявол собственной персоной. Я хотел бы стоять где-то между этими двумя людьми с экстремальными позициями, которые тем не менее оба являются моими друзьями.

8.

Как же обстоят дела в настоящем? Несомненно, мы переживаем в наши дни ренессанс либертарного социализма.

движениям всего мира. Маркс выступил против Бакунина тем, что оклеветал его самым низайшим образом, и тем, что добился его исключения на конгрессе в Гааге в 1872 г. С тех пор мосты между анархизмом и марксизмом разрушены. Плачевный результат для рабочего класса, т.к. оба движения весьма нуждались бы в теоретическом и практическом сотрудничестве друг с другом. Во время 80-х годов 19-ого столетия провалилась попытка создать уменьшенный анархистский Интернационал. Доброй воли хватало, но анархизм почти изолировался от рабочего движения. В то же время марксизм активно развивался, в Германии с ростом социал-демократии, а во Франции с основанием Рабочей партии Жюлем Гедом.

Позднее различные социал-демократические партии объединились, чтобы основать второй Интернационал. На последовавших конгрессах образовывались яростные споры с либертариями, которым удавалось принимать участие в конгрессах. В 1893 г. голландский либертарный социалист Домела Нивениус осудил яростными и точными словами немецкую социал-демократию и был высмеян. В Лондоне в 1896 г. дочь Маркса, Эвелинг, и вождь французских социалистов Жан Жорес обругали анархистов, которые проникли на конгресс как делегаты от различных рабочих синдикатов, и распорядились, чтобы тех вышвырнули. Верно, что анархистский терроризм, буйствовавший во Франции между 1890 и 1895 гг., добавил немало к истерическому отвержению анархистов, с которыми с тех пор обращались, как с бандитами. Трусливые и заботящиеся о легальности реформисты не были в состоянии понять их революционного движения, их использование насилия, их вызывавшие ажиотаж акции протеста против достойного обращения общества.

С 1860 по 1914 гг. немецкая социал-демократия и, более того, тяжёлая машинерия немецких профсоюзов вытесни-

ская война во Франции» расхваливает Парижскую Коммуну до небес, некоторые черты которой он, заметим между делом, идеализирует.

Наконец тот Маркс, что в том же труде уверяет, что успех Коммуны заключается в разрушении государственного аппарата и замещении его коммунальной властью, ни в коем случае не тот Маркс, который в своём письме о Готской программе обязательно хотел доказать, что государство должно жить ещё относительно долгое время после пролетарской революции.

Мы можем отслеживать все эти противоречия и этот зигзагообразный курс на протяжении лет. Это, пожалуй, больше не может быть вопросом, что изначальный марксизм Маркса и Энгельса не является однородным блоком. Мы должны подвергнуть его критической проверке и можем перенять лишь его части, не противоречащие нашему либертарному коммунизму.

3.

Мы стоим перед третьей трудностью. Анархизм представляет собой ещё менее однородное учение, чем марксизм. Как я показал в своей маленькой книжке «Анархизм», либертариями в особенности двигает отрицание авторитета и акцент, делающийся на предпочтение индивидуальных решений, как выразился Прудон в своём письме к Марксу: «признание в антидогматизме». Так же убеждения либертарианцев более разнообразны, текучи и труднее обобщаемы, чем убеждения авторитарных социалистов.

В анархизме существуют различные течения. Помимо либертарных коммунистов есть анархо-индивидуалисты, социетарные анархисты, анархо-синдикалисты и, как известно, многочисленные прочие анархизмы: ненасиль-

ственные анархисты, анархо-пацифисты, вегетарианские анархисты и т.д.

Возникает вопрос: какие разновидности анархизма мы хотим столкнуть с марксизмом, с целью выяснить, в каких пунктах эти две школы революционной мысли пересекаются, а в каких расходятся? Мне кажется, направлением анархизма, которое было бы наименее отдалённым от марксизма, является конструктивный анархизм: социетарный, коллективистский или коммунистический анархизм. И этот факт ни в коем случае не основывается на случайности, как я уже подчёркивал в всей книге «Анархизм».

4.

Когда мы вникаем в проблемы поглубже, то не трудно заметить, что анархизм и марксизм в прошлом оказывали друг на друга влияние. Малатеста, самый известный итальянский анархист, однажды писал: «Почти вся анархистская литература 19-ого столетия находилась под влиянием марксизма».

Вам известно, что Бакунин с почтением относился к научным способностям Маркса, и что он начал переводить «Капитал» на русский язык. Кроме того, друг Бакунина, итальянский анархист Карло Кафиеро, опубликовал итальянскую сокращённую версию «Капитала». И наоборот, первые книги Прудона: «Что такое собственность?» (1840 г.) и прежде всего его выдающийся труд «Система экономических противоречий» (1846 г.) оказали сильное влияние на молодого Маркса, даже если немного спустя неблагодарный экономист поливал своего учителя «какао» и написал против него «Нищету философии».

Не смотря на их конфликты, Маркс многим обязан идеям Бакунина. Мы назовём здесь лишь два примера: обра-

мунизм, аляповатый государственный коммунизм таких утопических коммунистов своего времени, как у Вейтлинга в Германии или у Кабе во Франции, т.к., по мнению Штирнера, он угрожает индивидуальной свободе.

Затем стремительное нападение Маркса на Прудона, отчасти по тем же причинам, этот самый Прудон хвалил частную собственность, т.к. видел в ней гарантию личной свободы. Но Маркс не понял, что Прудон в области крупной индустрии, говоря иначе, в капиталистической отрасли, сделался адвокатом коллективной собственности. Не писал ли он в своих «Carnets», что «мелкая промышленность – такая же глупая вещь, как мелкая культура?» В отрасли крупной индустрии он пламенный коллективист. Сообществам рабочих, как он их называл, в его глазах должна достаться значительная роль, т.е. управление крупной промышленностью, железной дорогой, мануфактурами, шахтами, металлургией, флотом и т.д.

С другой стороны, Прудон под конец своей жизни требовал в «Способностях рабочих классов» полного отделения рабочего класса от буржуазного общества, т.е. классовой борьбы. Это не удержало Маркса от такой низости, чтобы обращаться с прудонизмом как с мелкобуржуазным социализмом.

Перейдём теперь к яростному и менее чистому спору между Марксом и Бакуниным, спору первого Интернационала. Здесь недопонимания так же играли свою роль. Бакунин подозревал Маркса в ужасных, авторитарных намерениях, в жажде власти над рабочим движением. Бакунин, разумеется, преувеличивал. Удивительно то, что он оказался пророком в этом вопросе. У него было довольно провидческое представление об отдалённом будущем. Он предвидел образование «красной бюрократии», точно как и тирании, которая в конце концов применялась лидерами третьего Интернационала (Коминтерном) к рабочим

нуть самоуправления, в то время как Прудон посвящал им страницу за страницей своих трудов. Прудон, начавший жизнь как рабочий, знал о чём говорил, он с повышенным вниманием изучал рабочие ассоциации, образовавшиеся во время революции 1848 года. Причиной такого отношения Маркса является, вероятно то, что он снисходительно рассматривал этот вопрос как «утопичный». Сегодня мы, либертарные коммунисты, относимся к тем, кому, как минимум в западной Европе, удалось сделать самоуправление весьма актуальным, конкретным вопросом и поставить его на повестку дня – вопрос, который между тем уже настолько вошёл в моду, что он сегодня усвоен и склоняется почти всеми политическими направлениями.

7.

Упомянем, как анархисты и марксисты конфликтовали с самого их пролетарского происхождения. Обмен ударами был начат Марксом и Энгельсом их злой, направленной против Штирнера книгой «Немецкая идеология». Она основывается на обоюдном недопонимании. Штирнер недостаточно ясно подчёркивает, что за его чрезмерным превознесением Я, индивида, которого он рассматривал как Единственного, он в действительности предусматривает добровольные ассоциации этого Единственного с другими, т.е. новое общество, основывающееся на свободном выборе федерации и праве, снова отделиться от этой федерации; идея, позднее перенятая Бакуниным, и в конце концов, применённая Лениным, когда он писал о национальном вопросе. Маркс и Энгельс в свою очередь неверно интерпретировали труды Штирнера, позорящие коммунизм, которые они считали реакционными, причём Штирнер, собственно, оспаривал совершенно другой ком-

ммунизм, написанное Марксом о Коммуне, находится под сильным влиянием Бакунина, как это было выяснено Артуром Лениным, издателем «Архива Бакунина». И, как я уже упоминал, Маркс был вынужден, благодаря Бакунину, отвергнуть требование «народного государства», выставленное его социал-демократическими союзниками.

5.

Марксизм и анархизм не только взаимно влияли друг на друга, но у них было и общее происхождение. Они как бы принадлежат одному семейству. Как материалисты, мы не верим, что идеи просто так возникают в головах людей. Они лишь отражают опыт массовых движений, приобретённый ими в классовой борьбе. Первые социалистические авторы, как анархисты, так и марксисты, черпали в начале всё своё вдохновение из великой Французской Революции в конце 18-ого столетия, позднее, с 1840 г. – из попыток французских рабочих организоваться, чтобы бороться против капиталистической эксплуатации.

Лишь немногие знают, что в 1840 г. в Париже была всеобщая стачка. И в 40-х годах за этой стачкой последовал расцвет рабочих газет, таких как «L'Atelier». В том же 1840 г. – удивительное совпадение – Прудон опубликовал свой труд с критикой собственности. Четыре года спустя, в 1844 г., молодой Маркс в своих знаменитых манускриптах написал отчёт о посещении парижских рабочих и подчеркнул глубокое впечатление, произведённое на него этими трудящимися. За год до того, одна достойная внимания женщина, Флора Тритсан, проповедовала рабочим о рабочем союзе и предприняла Tour de France, чтобы завязать контакты с рабочими крупных городов.

Как анархизм, так и марксизм черпали в начале из одного источника. И, под впечатлением от новообразовавшегося рабочего класса, оба утвердили одну и ту же конечную цель, т.е. упразднить капиталистическое государство, а социальное богатство, средства производства доверить самим рабочим. Это было основой коллективного соглашения, образовавшегося между марксистами и бакунистами на конгрессе первого Интернационала, незадолго до начала немецко-французской войны 1870 г. При этом стоит заметить, что это соглашение было направлено против последних учеников Прудона (умер в 1865 г.), развившихся в реакционеров. Один из них, Толаи, выступал за частную собственность на средства производства.

6.

До этого я упоминал, что первые представители французского рабочего движения получали определённым образом вдохновение из великой Французской Революции. Вернёмся к этому.

В действительности, во Французской Революции были две различные формы революции, или лучше сказать, две разных, противоположных силы. Одна была сформирована левым крылом буржуазии, другая – предшественником пролетариата: мелкими ремесленниками и наёмными работниками. Первая была авторитарной, даже диктаторской, централистской, репрессивной по отношению к непривелигированным. Вторая была демократической, федералистской и состояла, как бы сказали сегодня, из рабочих советов, т.е. объединившихся в Парижской Коммуне 48 секций города, и народных объединений в городах провинций. Я утверждаю не мешкая, что эта вторая сила обладала либертарным содержанием и была в опреде-

мунисты не испытывают метафизического отвращения к избирательным урнам. Прудона однажды выбрали в Национальное Собрание в 1848 г. В другой раз он поддержал выборы Распая. Да и позже, во время второй Империи, он поддерживал мысль, что рабочие должны отправлять кандидатов на выборы. Это было для него только вопросом возможности. При других обстоятельствах испанские анархисты в 1936 г. избегали занимать непреклонную позицию против участия Народного фронта в выборах. Но кроме этих, довольно редких исключений, анархисты шли совсем другим путём, чтобы привести капиталистического противника к падению: прямое действие, профсоюзные акции, рабочая автономия и генеральная стачка.

Поговорим о следующих безальтернативных ситуациях:

Огосударствление средств производства или самоуправление? Тут Маркс и Энгельс снова колеблются. В Коммунистическом Манифесте от 1848 г., написанном под прямым влиянием французского социалиста Луи Бланка, они объявили о своих намерениях «централизовать все средства производства в руках государства». Но под государством они понимали «пролетариат, организованный как правящий класс». Хорошо, но какого чёрта они называют подобную пролетарскую организацию «государством»? И далее: почему затем, в июне 1872 г., они добавляют к Манифесту предисловие к новому изданию, в котором они отдаляются от их ранней любви к государству и полагают, что производство должно быть передано в руки «объединённых производителей»?

Эта перемена убеждений была лишь следствием договорённости с бакунистами, которая, как мы видели, состоялась на конгрессе первого Интернационала, предшествовавшем войне 1870 г. Но стоит упомянуть, что Маркс никогда всерьёз не изучал способы, какими можно достиг-

только роль непартийных советчиков на стороне пролетариата или в нём, чтобы помочь рабочим в их устремлениях, с целью достичь более высокого уровня сознания.

Это приводит нас к вопросу о революционной спонтанности масс, типично анархистскому понятию. В трудах Прудона и Бакунина мы действительно часто встречаем слова «спонтанный» или «спонтанность». Но, что очень подозрительно, никогда в трудах Маркса и Энгельса в их оригинальных версиях. В переводах эти слова время от времени проскакивают, но это лишь неточные переводы. В действительности Маркс и Энгельс ссылаются лишь на самодеятельность масс, что, однако, несколько меньше, чем спонтанность. Разумеется, революционная партия может позволить себе некоторое количество самодеятельности масс помимо своей выдающейся активности, но спонтанность масс опасно поставила бы её ведущую роль под вопрос. Роза Люксембург была первой марксисткой, которая употребляла в своих трудах на немецком языке слово «spontan», которое она переняла у анархистов, и она делала так же основное ударение на спонтанность массового движения. Можно предположить, что марксисты испытывают некоторый неуют в отношении к социальным движениям, которые не оставляют места для внедрения их самоуверенных лидеров. Так же и либертарные коммунисты не особенно рады, когда время от времени наблюдают, как марксисты не чужаются использовать средства и ухищрения буржуазной демократии в своих целях. Марксисты не только с удовольствием используют избирательные листы, которые они считают одним из лучших средств для достижения власти, но случается и так, что им нравится заключать отвратительные предвыборные союзы с либеральными или радикальными буржуазными партиями, если они только при помощи таких союзов могут получить места в парламенте. Разумеется, либертарные ком-

лёмном смысле предшественницей Парижской Коммуны 1871 г. и русских Советов 1917 г., вторая сила, напротив, нашла в 19 веке продолжение в якобинстве. Однако по правде, слово «якобинство» неточно, двусмысленно и искусственно. Это было имя одного парижского народного клуба, «Общества якобинцев», которое в свою очередь переняло его у собрания одного монастырского ордена, в здании которого обосновался этот клуб. В действительности, фронт классовой борьбы проходил между революционными буржуа и непривелигированными так же и в «Обществе якобинцев» и вне его. Точнее, на встречах члены тех и других убеждений начинали ссоры. Тем не менее в более поздней литературе слово «якобинец» применяется, для обозначения революционной буржуазной традиции, руководившей сверху, авторитарными средствами страной и революцией; это понятие употреблялось в этом смысле как анархистами, так и марксистами. Так, на пример, Шарль Делескю, предводитель правого большинства в совете Парижской Коммуны, сам называл себя якобинцем, приверженцем Робеспьера.

Прудон и Бакунин боролись в своих трудах с политикой революционной буржуазии как с «якобинским мышлением». Маркс и Энгельс, напротив, испытывали трудности с освобождением от якобинского мифа, который был знаменит и прославляем героями буржуазной революции, среди них Дантоном (бывшим в действительности коррумпированным политиком и двойным агентом) и Робеспьером (закончившим в роли диктатора). Либертарианцы не стали поборниками якобинства благодаря всему анархистскому открытию. Они довольно хорошо поняли, что Французская Революция была не только гражданской войной между абсолютной монархией и революционным мещанством, но и, немного позже, – между якобинством и коммунизмом, как мне хотелось бы его назвать. Гражданская война,

которая привела в марте 1794 г. к поражению Парижской Коммуны и к казни её двух магистратов, Шометта и Эбера, т.е. к упразднению власти снизу, точно как русская Октябрьская Революция привела к ликвидации советов на фабриках.

Маркс и Энгельс постоянно колебались между якобинством и коммунизмом. В начале они хвалили «бескомпромиссную централизацию, как она была продемонстрирована во Франции в 1793 г.». Но позднее, вероятно уже слишком поздно, в 1895 г. Энгельс заметил, что они заблуждались и вышеозначенная централизация проложила дорогу диктатуре Наполеона Первого. Случилось так, что Маркс однажды писал, что *engages*, последователи леворадикального бывшего священника Жака Ру, бывшего представителем рабочего населения пригородов, были «главными представителями революционного движения». В то время как Энгельс в свою очередь утверждал, что пролетариату 1793 г. «вообще могла быть оказана помощь только сверху». Позднее Ленин показал себя значительно большим якобинцем, чем его учителя Маркс и Энгельс. По его утверждению, якобинство «представляет собой одну из высочайших вершин, которых достиг угнетаемый класс в своей борьбе за освобождение». И он ценит возможность называть себя якобинцем, к чему он ещё добавляет: «Якобинцем, связанным с рабочим классом». Из этого для нас следует, что либертарианцы могут совместно работать с марксистами только при условии, что те полностью откажутся от всех якобинских пережитков. Обобщим различия между анархизмом и марксизмом. Для начала, при чём они сходятся с анархистами в конечной цели упразднения государства, марксисты считают необходимым после победоносной пролетарской революции создать новое государство на неопределённо долгий срок, которое они называют «государством рабочих» и о котором они обещают, что но-

вое государство, оно иногда называется «половинчатым государством», окончится тем, что исчезнет само по себе. Либертарные коммунисты критикуют, напротив, то, что новое государство будет ещё более всемогущим и более угнетающим, чем буржуазное, т.к. вся экономика будет находиться в государственной собственности и т.к. постоянно разрастающаяся бюрократия не захочет просто «исчезнуть». Кроме того, либертарные коммунисты довольно недоверчиво относятся к тем задачам, которые приписываются марксистами коммунистическому меньшинству по отношению к населению. Если они читают священные писания Маркса и Энгельса, то они не зря вынашивают сомнения относительно этого пункта. Конечно, в Коммунистическом Манифесте можно прочесть, что коммунисты «не обладают отдельными интересами от интересов всего пролетариата», и что они постоянно «представляют интерес всего движения». Их теоретические концепции, как клянутся авторы Манифеста, «покоятся ни в коем случае не на идеях, на вымышленных принципах того или иного улучшателя мира, они суть только общее выражение настоящей классовой борьбы, исторического движения, разворачивающегося перед нашими глазами». Да, конечно, с этим пунктом согласимся и мы, либертарианцы!

Но вот следующая цитата представляет собой противоречие и настораживает: «Теоретически коммунисты имеют преимущество по отношению к остальной пролетарской массе, в том, что ясно понимают условия, путь и конечные результаты пролетарского движения».

Не означает ли это, что коммунисты на основе такого «преимущества» имеют историческое право претендовать на управление пролетариатом? Если это так, то мы, либертарные коммунисты, более не согласны с этим. Мы оспариваем, что вовне пролетариата вообще может быть авангард, и мы придерживаемся мнения, что мы можем играть